

ЮНГ

Карл Густав

Человек и его символы

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ

C.G. Jung

**MAN
AND HIS SYMBOLS**

ALDUS BOOKS LTD
1964

К. Г. Юнг

**ЧЕЛОВЕК
И ЕГО СИМВОЛЫ**

Электронное издание

2020

УДК 159.9(081)
ББК 88.3
Ю50

Юнг, Карл Густав.

Ю50 Человек и его символы / К. Г. Юнг ; пер. с англ. В. В. Зеленского. — Эл. изд. — 1 файл pdf : 403 с. — Киев : Науковий світ, 2020.

ISBN 978-5-7312-0974-8

Данная книга является последним прижизненным трудом К. Г. Юнга, а также единственным популярным изложением его теории, адресованным самым широким кругам читателей. Используя метод «аналитической психологии» Юнга, его ближайшие сподвижники и ученики наглядно демонстрируют, как подсознание через символы влияет на древние мифы и современное искусство, на научный поиск и на весь жизненный путь человека от младенчества до старости.

УДК 159.9(081)
ББК 88.3

ДЖОН ФРИМЕН

ВВЕДЕНИЕ

Появление данной книги имеет свою необычную историю, напрямую связанную как с ее содержанием, так и со всем тем, что из нее вытекает. Поэтому я хотел бы рассказать, каким образом она оказалась написанной.

Однажды — это случилось весной 1959 года — Британская радиовещательная корпорация пригласила меня взять интервью у доктора Карла Густава Юнга для Британского телевидения. Предполагалось, что интервью будет, что называется, достаточно «глубоким». В то время я знал о его книге и о его работе весьма мало, а поэтому отправился для знакомства в прекрасный дом Юнга на берегу озера в Цюрихе. Это было началом дружбы, которая столь много значила для меня и, я надеюсь, доставила некоторое удовольствие и Юнгу в его последние годы жизни. Телевизионное интервью ко всей дальнейшей истории отношения не имеет, за исключением того, что оно оказалось успешным, и по странному стечению обстоятельств эта книга также стала завершающим результатом телевизионного успеха.

Дело в том, что одним из тех, кто увидел Юнга на экране, был Вольфганг Фогес, ведущий директор «Алдес Букс». Еще с детства Фогес увлекался современной психологией, когда жил по соседству с Фрейдом в Вене. Увидев Юнга, рассказывающего о своей жизни, работе, идеях, Фогес вдруг сообразил, насколько печально то обстоятельство, что на фоне широкого знакомства образованного читателя с учением Фрейда Юнг до сих пор неизвестен широкой публике, — как ни странно, он всегда считался трудным автором для популярного чтения.

Фактически Фогес и явился создателем «Человека и его символов». Почувствовав во время телевизионной передачи, что между Юнгом и мной существуют теплые личностные отношения, он попросил меня о возможности присоединиться к нему в попытке убедить Юнга изложить его самые основные и важные мысли таким языком и в таком объеме, чтобы они были интересны и доступны взрослому читателю-неспециалисту. Я буквально подпрыгнул от такой идеи и помчался обратно в Цюрих, убежденный, что смогу убедить Юнга в необходимости и важности подобной работы. В течение двух часов почти не переставая Юнг слушал меня в своем саду, а затем сказал: «Нет». Он сообщил мне это в самой вежливой форме, но с очевидной твердостью; никогда ранее он не пытался популяризировать свои работы и сейчас не был уверен в том, что сможет сделать это успешно. В любом случае он уже стар и достаточно утомлен, так что у него нет желания брать на себя обязательство, относительно которого у него столько сомнений.

От друзей Юнга я знал, что он человек твердых решений. Он обдумывает и взвешивает проблему внимательно, не торопясь, и ответ, который он дает, обычно является окончательным. Я вернулся в Лондон весьма разочарованный и уверовавший в то, что отказ Юнга завершил все мероприятие. Возможно, так бы оно и было, если бы не два вмешавшихся обстоятельства, предвидеть которые я не мог.

Первым стало упорство Фогеса, настоявшего на том, что следует предпринять еще одну попытку уговорить Юнга, прежде чем смириться с окончательным провалом всего начинания. Другим оказалось событие, до сих пор удивляющее меня всякий раз, когда я оглядываюсь на этот период своего прошлого.

Как я уже говорил, телевизионная передача прошла успешно. Она принесла Юнгу огромное количество писем от самых разных людей, в большинстве своем обычных людей, не имевших ни медицинской, ни психологической подготовки, на которых внешний облик, юмор, скромное обаяние этого великого человека произвели сильное впечатление. Эти люди увидели в

его взглядах на жизнь и человеческую личность нечто такое, что могло им помочь. И Юнг несказанно радовался не столько получению самих писем (его почта во все времена была достаточно обширной), сколько получению их от людей, которые в обычных обстоятельствах не смогли бы найти с ним никакого контакта.

Именно тогда ему приснился весьма знаменательный сон. (Прочитав книгу, вы поймете, насколько это может оказаться важным). Ему приснилось, что он находится не в своем кабинете, где ведет беседы с известными докторами и психиатрами, съезжавшимися к нему со всего света, а в каком-то общественном месте и обращается к огромному множеству людей, которые слушают его с жадным вниманием и **ПОНИМАЮТ ВСЁ, ЧТО ОН ГОВОРИТ..**

Когда через неделю-другую Фогес повторил просьбу о том, чтобы Юнг создал книгу не для философов или врачей-клиницистов, а для широкой публики, Юнг дал себя уговорить. Правда, он выставил два условия. Первое — книга будет написана им совместно с группой его ближайших последователей, с помощью которых он пытался воплотить в жизнь свои идеи и методы. Второе — то, что мне поручается задача координации работы и разрешения всех проблем, могущих возникнуть между авторами и издателем.

Дабы читателю не показалось, что мое введение выходит за пределы разумной скромности, хочу тут же сообщить, что я был весьма признателен за второе условие, хотя и с некоторой оговоркой. Весьма скоро я понял главную причину, по которой выбор Юнга пал на меня. Он рассматривал меня как человека разумного, но далеко не исключительного, интеллектуального, но без какого-либо серьезного знания психологии. Юнг видел во мне «среднего читателя» данной книги; то, что мог понять я, было бы понятно и всем остальным, все то, что отпугивало своей непривычностью, могло показаться неясным и трудным и для других. Мало обрадованный подобной оценкой своей роли, я тем не менее скрупулезно настаивал (порой, возможно,

к большому раздражению соавторов) на том, чтобы каждый параграф был написан и — если это требовалось — переписан до такой степени ясности, которая позволяла бы мне сказать с уверенностью, что книга всецело обращена к широкому читателю и сложные темы, поднимаемые в ней, раскрыты с предельной и впечатляющей простотой.

После долгого обсуждения было решено, что темой книги будет Человек и его Символы. Юнг самолично пригласил для этой работы своих сотрудников д-ра Марию-Луизу фон Франц из Цюриха, вероятно своего ближайшего профессионального конфиденга и друга; д-ра Джозефа Л. Хендерсона из Сан-Франциско, одного из наиболее известных и доверенных американских юнгианцев; миссис Аниэлу Яффе из Цюриха, которая будучи опытным аналитиком, работала личным секретарем Юнга и его биографом; и д-ра Иоланду Якоби, являвшуюся после Юнга наиболее профессиональным автором среди членов юнговско-го кружка в Цюрихе. Все четверо были выбраны отчасти потому, что были опытными специалистами в заданных темах, но также и по причине того, что все они пользовались полным доверием Юнга и были способны к самоотверженной работе по юнговскому плану, как члены единой команды. Юнг сам определил ключевые темы и структуру книги, наблюдал и направлял работу своих соавторов и написал стержневую главу «Подход к бессознательному».

Последний год жизни Юнга был посвящен главным образом данной книге, и его собственный раздел был полностью завершен еще до последовавшей 6 июня 1961 года смерти (Юнг закончил редактуру текста за десять дней до начала болезни), главы же, написанные его соавторами, были одобрены им вчерне. После смерти Юнга в соответствии с его указаниями всю ответственность за окончание работы взяла на себя д-р фон Франц. Название книги «Человек и его символы» и ее общие черты были детально проработаны самим Юнгом. Глава, подписанная его именем, — его собственная работа (кроме нескольких редакционных поправок). Кстати, она была написана по-английски.

Остальные главы были написаны разными авторами по указанию Юнга и под его наблюдением. Окончательная редактура всей работы после смерти Юнга была сделана д-ром фон Франц, исполнена неспешно, с пониманием и добрым юмором, за что издательство и я в долгу перед ней.

Теперь относительно содержания самой книги.

Юнговское мышление окрасило мир современной психологии много больше, чем это обыкновенно осознают неспециалисты. Такие, к примеру, известные термины, как «экстраверт», «интроверт», «архетип», — суть юнговские понятия, подчас слишком вольно трактуемые другими. Но его неоценимый вклад в психологическое понимание — концепция бессознательного (подобно «подсознательному» Фрейда), представляющего не просто свалку вытесненных подавленных желаний, но микрокосм, составляющий такую же жизненную и реальную часть человеческой сути, как и сознательный «мыслимый» мир эго, лишь бесконечно более широкий и богатый по своему масштабу. Язык и обитатели этого бессознательного — символы, а средства сообщения — сновидения.

Таким образом, изучение Человека и его Символов есть в действительности исследование отношения человека к своему бессознательному. А так как, по убеждению Юнга, бессознательное — это великий поводырь, друг и советчик сознания, сама книга напрямую связана с изучением человеческого бытия и духовных проблем. Мы знакомы с бессознательным и общаемся с ним (в обоих направлениях) главным образом с помощью снов, и на протяжении всей книги (и прежде всего в собственной главе Юнга) можно обнаружить настойчивое утверждение важности сновидений в жизни человека.

Было бы неприлично с моей стороны пытаться растолковывать данный труд Юнга читателям, многие из которых наверняка более подготовлены к его пониманию, чем я. В своей роли я выступаю лишь как некий «понимающий фильтр», но никоим образом не интерпретатор. Тем не менее осмелюсь сделать два указания, которые мне как неспециалисту представляются важ-

ными и могут, возможно, помочь другим читателям. Первое — о снах. Для юнгианцев сон не является стандартизированной криптограммой, которая может быть расшифрована с помощью словаря символических значений. Сон есть суммирующее, важное и личностное выражение индивидуального бессознательного. Он так же «реален», как и любой другой феномен, связанный с индивидом. Индивидуальное бессознательное спящего обращается к самому сновидцу и с этой целью выбирает символы, имеющие значение только для сновидца и ни для кого больше. Поэтому интерпретация снов, будь то аналитик или сам сновидец, является для психолога-юнгианца крайне личным, индивидуальным делом (иногда экспериментальным и весьма длительным), которое никоим образом не может быть осуществлено с помощью каких-либо правил.

И напротив, сведения из бессознательного имеют важнейшее значение для человека, видящего сон поскольку во сне человек проводит чуть ли не половину своей жизни, а бессознательное частенько предлагает индивиду совет или руководство, которые не могут быть получены из иного источника (образ химической таблицы, явившейся Менделееву во сне, и др.). Поэтому, когда я говорил о сне самого Юнга, в котором он обращается к широким массам, то описывал не какую-то магию и не утверждал, что Юнг занимается предсказаниями судьбы. В простых выражениях повседневного опыта я представил, каким образом собственное бессознательное Юнга «посоветовало» ему пересмотреть неадекватное решение, которое он вынес сознательной частью своего разума.

Из этого следует, что ни один хорошо подготовленный юнгианец не может рассматривать сны лишь как случайное событие. Наоборот, способность устанавливать связь со своим бессознательным — это часть целостного человека, и юнгианцы «учатся» (лучшего термина я придумать не могу) быть восприимчивыми к снам. Когда, в свою очередь, сам Юнг встал перед критическим выбором писать или не писать эту книгу, он оказался способен призвать ресурсы как сознания, так и бессознательного, чтобы

собрать воедино весь свой разум. На протяжении всей книги легко обнаружить, что сон воспринимается как прямое личное и осмысленное сообщение сновидцу, — сообщение, использующее символы, общие для всего человечества, но использующее их каждый раз совершенно индивидуальным образом, оно может быть интерпретировано только с помощью индивидуального «ключа».

Второе указание, которое мне хотелось бы сделать, имеет отношение к особенностям доказательного метода, свойственного всем авторам данной книги и, возможно, всем юнгианцам. Люди, ограничивающие свою жизнь исключительно миром сознания и отвергающие сообщения бессознательного, связывают себя законами сознания, формальной жизнью. С безупречной (но зачастую бессмысленной) логикой алгебраического уравнения они переходят от взятых предпосылок к неоспоримым выведенным заключениям. Юнг и его коллеги, как мне кажется (знают они это или нет), отбрасывают ограничения подобного метода рассуждения. Это вовсе не означает, что они игнорируют логику, в своих рассуждениях они все время обращаются и к бессознательному, и к сознанию. Их диалектический метод сам по себе символичен и непрямолинеен. Они убеждают не при помощи узкого луча силлогизма, но кружением, повторением, представлением вторичных аспектов той же темы под несколькими другими углами зрения — до тех пор, пока читатель, который так и не нашел единственного завершающего момента доказательства, не обнаружит, что каким-то необъяснимым образом он уже воспринял, вобрал в себя некую более широкую и всеобъемлющую истину.

Юнговские аргументы (как и аргументы его коллег) раскручиваются спирально вверх над предметом, подобно птице, облетающей дерево. Вначале у земли она видит лишь неразбериху ветвей и листьев. Постепенно, по мере того как она кружит все выше и выше, вновь открывающиеся части дерева предстают во все большей целостности и связи с окружающим. Некоторые читатели, возможно, вначале сочтут подобный «спиральный»

метод доказательства неясным или даже запутывающим, но, полагаю, ненадолго. Это всего лишь характеристика юнговского метода, и очень скоро сам читатель почувствует себя вовлеченным в убедительное и глубоко захватывающее путешествие.

Все разделы данной книги говорят сами за себя и вряд ли нуждаются в моем предисловии. Первая глава (текст самого Юнга) вводит читателя в область бессознательного, особое место в ней уделено архетипам и символам, образующим его язык, а также снам, с помощью которых бессознательное сообщает о себе.

Д-р Хендерсон в следующей главе иллюстрирует возникновение некоторых архетипов в древней мифологии, народной легенде, первобытном ритуале.

Д-р фон Франц в главе, названной «Процесс индивидуации», описывает процесс, при котором сознание и бессознательное внутри индивида начинают узнавать, уважать и приспособляться друг к другу. В известном смысле эта глава воплощает не только суть всей книги, но, возможно, и сущность всей юнговской философии жизни: человек становится целостным, интегрированным, спокойным, плодотворным и счастливым, когда (и только тогда) процесс индивидуации закончен, когда сознание и бессознательное начинают жить в мире и дополнять друг друга.

Миссис Яффе, как и д-р Хендерсон, демонстрирует в привычной структуре сознания повторяющийся — почти навязчивый — интерес к символам бессознательного. Эти символы сохраняют для человека глубокую значимость и наполнены для него внутренним притяжением, вне зависимости от того, встречаются ли они в мифах и волшебных сказках, которые анализирует д-р Хендерсон, или в изобразительном искусстве, которое, как показывает миссис Яффе, удовлетворяет и восхищает нас постоянной апелляцией к бессознательному.

Наконец, я должен сказать несколько слов о главе д-ра Якоби, отличающейся от других глав. Фактически, это сокращенная история одного интересного и успешного анализа. Ценность

данной главы в книге очевидна, но несколько предупредительных слов все же необходимы. Прежде всего, как указывает д-р фон Франц, не существует такой вещи, как типичный юнгианский анализ. И его не может быть, поскольку каждый сон — это частное и индивидуальное сообщение, никогда два сна не используют символы бессознательного одинаковым образом. Поэтому каждый юнгианский анализ уникален, и было бы ошибочным считать данный, взятый из клинических записей д-ра Якоби (или чьих-либо иных), как «репрезентативный» или «типичный». Все, что можно сказать о случае Генри и его порой сенсационных снов, это то, что они дают истинный пример возможности применения в частном случае юнгианского метода. И еще. Полная история даже сравнительно несложного случая заняла бы целую книгу. Очевидно, что история анализа Генри была достаточно сжата. Например, ссылки на «И цзин» не выглядели бы столь неясными, в них не ощущался бы привкус оккультного, будь они представлены в полном контексте. И тем не менее окончательный вывод таков — думаю, что и читатель с ним согласится, — анализ снов Генри при всех оговорках весьма обогащает книгу.

Я начал с описания того, как Юнг пришел к необходимости написания книги «Человек и его символы». Я закончу напоминанием о том, насколько замечательна, возможно, уникальна эта публикация. Карл Густав Юнг был одним из великих врачей всех времен и вместе с тем великим мыслителем нашего века. Его желанием было помочь мужчинам и женщинам познать самих себя, дабы это само-знание и мыслимое само-пользование вело их к более полной, богатой и счастливой жизни. В самом конце своей собственной жизни, которая была полной, богатой и счастливой, он решил оставшиеся у него силы истратить на труд, обращенный к более широкой аудитории, чем та, с которой ему приходилось иметь дело прежде. Он завершил свою задачу и свою жизнь в одно и то же время. Эта книга — его дар широкой читающей публике.

ЧАСТЬ 1

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ

ПОДХОД
К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ

Человек пользуется устным или письменным словом для того, чтобы выразить смысл, который он хотел бы передать. Наш язык полон символов, но мы также пользуемся знаками и образами не строго описательными. Некоторые являются простыми аббревиатурами, т. е. рядом заглавных букв, таких, например, как ООН, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, другие — известные торговые марки, названия лекарств, нашивки, эмблемы, знаки различия. Сами по себе бессмысленные, они приобретают узнаваемость в результате ежедневного употребления или преднамеренного введения. Это не символы. Это — знаки, и они лишь обозначают объекты, к которым относятся.

То, что мы называем символами, — это термин, имя или изображение, которые могут быть известны в повседневной жизни, но обладают специфическим добавочным значением к своему обычному и очевидному смыслу. Они подразумевают нечто смутное, неизвестное или скрытое от нас. Например, многие критские памятники отмечены знаком двойной секиры. Мы узнаём этот предмет, но его символический смысл остается непонятен для нас. Или представьте себе индуса, который, вернувшись из Англии, рассказывает друзьям, что англичане поклоняются животным, поскольку в старых английских церквях он обнаружил изображения орлов, львов, быков. Он не знал (как и многие христиане), что эти животные — символы евангелистов, восходящие к видению пророка, а видение, в свою очередь, имеет предшествующую аналогию с египетским богом Солнца Гором и его четырьмя сыновьями. Более того, существуют такие примеры, как колесо и крест, известные повсеместно, хотя и они при определенных условиях имеют символическое значение. То, что они символизируют, — все еще предмет противоречивых суждений.

Таким образом, слово и изображение символичны, если они подразумевают нечто большее, чем их очевидное и непосредственное значение. Они имеют более широкий «бессознательный» аспект, который точно не определен или его нельзя объяснить. И нет надежды определить или объяснить его. Когда мы исследуем символ, он ведет нас в области, лежащие за пределами здравого рассудка. Колесо может привести наши мысли к концепции «божественного Солнца», но здесь рассудок должен допустить свою некомпетентность: человек не способен определить божественное бытие. Когда со всей нашей интеллектуальной ограниченностью мы называем что-либо «божественным», мы всего лишь даем ему имя, которое основывается на вере, но никак не на фактическом свидетельстве.

Так как существует бесчисленное множество вещей за пределами человеческого понимания, то мы постоянно пользуемся символической терминологией, чтобы представить понятия, которые мы не можем определить или полностью осознать. Это одна из причин, по которой все религии пользуются символическим языком или образами. Но подобное сознательное использование символов — лишь один аспект психологического факта, имеющего большое значение: человек также продуцирует символы спонтанно и бессознательно в форме снов.

Это не так легко понять, но понять необходимо, если мы хотим узнать больше о том, как работает человеческое сознание. Человек, если мы внимательно поразмыслим, никогда ничего полностью не воспринимает и никогда ничего полностью не осознаёт. Он может видеть, слышать, осязать, воспринимать вкус, но насколько далеко он видит, как хорошо он слышит, что говорят ему осязание и вкус, зависит от количества и качества его ощущений. Они ограничивают восприятие окружающего его мира. Пользуясь научной аппаратурой, человек может частично компенсировать недостатки своих органов чувств. Например, он может увеличить пределы зрения с помощью бинокля, а чувствительность слуха — с помощью электронного усиления. Но большинство разработанных приборов не могут

сделать что-нибудь большее, нежели приблизить отдаленные и маленькие объекты к его глазам или сделать слабые звуки более слышимыми. Неважно, какими инструментами пользуется человек, в некоторой точке все равно наступает предел уверенности, за который осознанное знание переступить не может.

Более того, существуют бессознательные аспекты нашего восприятия реальности. Когда наши органы чувств реагируют на реальные явления, скажем, изображения или звуки, они переводят их из области реального в область разума, — это очевидный факт. Здесь они становятся психическими явлениями, конечная природа которых непознаваема (психика не может познать свою собственную психическую сущность). Поэтому любой опыт содержит бесконечное множество неизвестных факторов, не говоря уже о том, что каждый конкретный объект всегда неизвестен в определенных отношениях, поскольку мы не можем знать конечной природы самой материи.

Кроме того, существуют некоторые события, которые мы не отмечаем в сознании; они остаются, так сказать, за порогом сознания. Эти события имели место, но были восприняты подпорогово, без участия нашего сознания. Мы можем узнать о таких событиях только интуитивно или в процессе глубокого размышления, который ведет к последующему осознанию того, что они должны были произойти; и хотя первоначально мы игнорировали их эмоциональное и жизненное значение, оно все же проступило из бессознательного в виде послемысли.

Подобные события могут проявиться, например, в форме снов. Как правило, бессознательный аспект любого явления открывается нам в снах, в которых он возникает не как рациональная мысль, а в виде символического образа. Исторически именно изучение снов подвигло психологов на изучение бессознательного аспекта сознательных психических явлений.

Именно на основе таких свидетельств психологи выдвинули предположение о существовании бессознательной психики, хотя многие ученые и философы отрицают ее существование. Они наивно аргументируют свою позицию тем, что подобное

предположение психологов ведет к допущению существования двух «субъектов», или (говоря обычным языком) двух личностей, внутри одного индивида. В действительности же так оно и есть. Одно из проклятий современного человека заключается в том, что он страдает от расщепления собственной личности. И это ни в коем случае не патологический симптом, а вполне обыденное явление, которое можно наблюдать везде и в любое время. Не только у невротиков правая рука не знает, что делает левая. Это неприятное положение является симптомом общей бессознательности, бесспорного общего наследия всего человечества.

Человек развивал свое сознание медленно и трудно. Потребовались бесчисленные века, чтобы достичь цивилизованного состояния (которое произвольно датируется временем изобретения письменности около 4000 года до н. э.). Эта эволюция и сейчас далека от завершения, поскольку значительные области человеческого разума погружены в темноту. То, что мы называем «психическим», «душой», ни в коей мере не идентично нашему сознанию и его содержанию.

Тот, кто отрицает существование бессознательного, фактически предполагает, что наше нынешнее знание психики является полным. Но эта вера определенно ложна, так же как ложно и предположение, что мы знаем все, что можно знать о Вселенной. Наша психика есть лишь часть природы, и тайна ее безгранична, поэтому мы не можем дать полное определение ни психическому, ни природе. Мы можем лишь заявлять, что верим в их существование и, как умеем, описываем, каким образом они действуют. Помимо свидетельств, собранных в медицинских исследованиях, существуют сильные логические основания, чтобы отвергнуть заявления типа «бессознательное не существует». Утверждающие это лишь выражают древний «мизонезизм» — страх перед новым и неизвестным.

Разумеется, есть исторические причины для противостояния идее существования неведомой области в человеческой психике. Сознание — относительно недавнее приобретение природы,

и оно все еще пребывает в стадии «эксперимента». Оно хрупко, подвержено опасностям и легко ранимо. Как заметили антропологи, одним из наиболее частых умственных расстройств, встречавшихся у представителей первобытных племен, оказывается то, что последние называют «потерей души», что означает, как указывает само название, заметное разрушение (точнее, диссоциацию) сознания.

Среди людей, чье сознание находится на уровне развития, отличающемся от нашего, «душа» (психика) не ощущается как нечто единое. Многие первобытные племена считают, что человек имеет помимо собственной еще и «лесную душу» и что эта «лесная душа» воплощена в диком животном или в дереве (друиды), с которыми тот или иной человек имеет некоторую психическую идентичность. Именно это известный французский этнолог Леви-Брюль назвал «мистическим участием»¹. Правда, позже под давлением критики он отказался от этого термина, но я полагаю, что его оппоненты были неправы. Человек может находиться в состоянии психической идентичности с другим человеком или предметом, и это известный психологический факт.

Подобная идентичность среди находящихся на первобытном уровне развития племен принимает самые разнообразные формы. Если «лесная душа» принадлежит животному, то считается, что это животное и человек связаны братскими узами. Предполагается, что человек, чьим братом является крокодил, находится в безопасности, когда плавает в реке, кишасей крокодилами. Если его душа воплощена в дереве, то считается, что дерево имеет над ним нечто вроде родительской власти. В обоих случаях тот или иной вред, нанесенный «лесной душе», истолковывается как вред, нанесенный самому человеку. В ряде племен полагают, что человек имеет сразу несколько душ; такая вера отражает некоторые первобытные представления о том, что

¹ Мистическое участие — исходная психологическая связь с объектами или между людьми в результате сильной бессознательной соотнесенности; тождество между субъектом и объектом.

каждый человек состоит из нескольких связанных между собой, но все же отдельных друг от друга единств. Это означает, что человеческая психика далека от полного синтеза, напротив, она слишком легко готова распасться под напором неконтролируемых эмоций.

Хотя описанная ситуация известна нам по работам антропологов, ею не следует пренебрегать и в нашей развитой цивилизации. Мы тоже можем оказаться диссоциированными и утратить собственную идентичность. На нас влияют различные настроения, мы становимся неразумными, порой нам не удается вспомнить самые важные факты о самих себе, так что даже близкие нам люди удивляются: «Что за черт в тебя вселился?» Мы говорим о способности «контролировать» себя, но самоконтроль — весьма редкое и замечательное качество. Мы полагаем, что полностью контролируем себя; однако друзья без труда расскажут нам о нас такое, о чем мы не имеем ни малейшего представления.

Вне всякого сомнения, даже на так называемом высоком уровне цивилизации человеческое сознание еще не достигло приемлемой степени целостности. Оно все так же уязвимо и подвержено фрагментации. Сама способность изолировать часть сознания — безусловно ценная характеристика. Она позволяет нам сконцентрироваться на чем-то одном, исключив все остальное, что может отвлечь наше внимание. Но существует огромная разница между сознательным решением отделить и временно подавить часть психики и ситуацией, когда это происходит спонтанно, неосознанно или без согласия на то и даже вопреки собственному намерению. Первое — достижение цивилизации, второе — первобытная «потеря души», или патологический случай невроза.

Таким образом, в наши дни единство сознания все еще не очевидно, слишком легко оно может быть разрушено. Способность же контролировать эмоции, весьма желательная, с одной стороны, с другой — оказывается сомнительным достижением,

так как лишает человеческие отношения разнообразия, тепла и эмоциональной окраски.

Именно на этом фоне мы и должны рассмотреть важность снов — этих легких, ненадежных, изменчивых, смутных и неопределенных фантазий. Чтобы объяснить свою точку зрения, я бы хотел описать, как она развивалась с годами и как я пришел к выводу, что сны — это наиболее частый и универсально доступный источник для исследования способности человека к символизации.

Зигмунд Фрейд стал первым, кто на практике исследовал бессознательный фон сознания. Общим положением в его работе было то, что сны не являются делом случая, а связаны с сознательными проблемами и мыслями. Это предположение основывалось на выводах известных неврологов (например, Пьера Жане), что невротические симптомы связаны с определенным сознательным опытом. Эти симптомы оказываются некими отщепленными областями сознания, областями, которые в другое время и при других обстоятельствах были бы сознательными.

В конце прошлого века Фрейд и Иосиф Брейер выяснили, что невротические симптомы — истерия, некоторые виды боли и ненормальное поведение — несут в себе символическое значение. Это один из путей, по которым бессознательная психика проявляет себя, равным образом как и в снах, и оба пути оказываются одинаково символическими. У пациента, который, к примеру, столкнулся с непереносимой ситуацией, может развиваться спазм при глотании: «он не может это проглотить». В сходных условиях психологического стресса другой пациент получает приступ астмы: он «не может дышать атмосферой дома». Третий страдает от паралича ног: «он не может ходить», т. е. «не может продолжать делать что-либо». Четвертый, которого рвет во время еды, «не может переварить» какой-то неприятный факт. Можно привести множество примеров подобного рода, но такие физические реакции лишь одна из форм, в которой выражаются проблемы, бессознательно нас волнующие. Чаще же они находят воплощение в снах.

Любой психолог, которому довелось выслушивать людей, описывающих свои сны, знает, что символика сна намного разнообразнее, чем физические симптомы неврозов. Она часто состоит из детально разработанных и живописных фантазий. Но если аналитик при работе с материалом этих снов будет использовать разработанную Фрейдом технику «свободных ассоциаций», он в конце концов обнаружит, что сны могут быть сведены к нескольким основным типам. Эта техника сыграла важную роль в развитии психоанализа, так как она позволила Фрейду использовать сны как исходную точку для исследования бессознательных проблем пациента.

Фрейд сделал простое, но глубокое наблюдение — если поощрить видевшего сон продолжать рассказывать о своем сновидении и мыслях, на которые оно наводит, то пациент пойдет достаточно далеко и откроет бессознательный фон своего недуга: как тем, что он скажет сам, так и тем, о чем он бессознательно умолчит. Сначала идеи сновидца могут казаться иррациональными и несущественными, но через некоторое время все то, чего он старается избежать, его неприятные мысли или переживания, подавляемые в себе, становятся очевидными. Неважно, каким путем он стремится замаскировать это; все, что он говорит, указывает на суть его проблемы. Врач вообще-то достаточно часто сталкивается с темными сторонами жизни людей, что позволяет ему редко ошибаться при интерпретации намеков, которые пациент выдает за знаки своей встревоженной совести. То, что открывается в конце концов, к сожалению, обычно подтверждает предположения врача. В этой области трудно что-либо возразить против фрейдовской теории вытеснения и осуществления желаний как очевидной причины символизма снов.

Фрейд придавал особое значение снам как отправной точке процесса «свободных ассоциаций». Но спустя время я стал чувствовать, что использование разнообразных фантазий, которые бессознательное продуцировало во время сна, является неадекватным и порой вводящим в заблуждение. Мои сомнения начались, когда однажды коллега рассказал мне о своих пере-

живаниях во время долгого железнодорожного путешествия по России. Хотя он не знал языка и не мог даже разобрать написание слов кириллицей, по дороге он размышлял над странными буквами, которыми были сделаны железнодорожные надписи, и фантазировал, придумывая для них разные значения.

Одна мысль породила другую, и в неспешном, расслабленном состоянии он обнаружил, что «свободные ассоциации» всколыхнули старые воспоминания. Среди них досадно обнаружили давно канувшие неприятные темы, которые он не хотел держать в памяти и которые сознательно забыл. Фактически этот человек столкнулся с тем, что психологи назвали бы его «комплексами», т. е. подавленным эмоциональным содержанием, которое могло вызывать постоянное психологическое раздражение или в некоторых случаях даже симптом невроза.

Этот эпизод навел меня на мысль, что нет необходимости рассматривать сны как исходную точку процесса «свободных ассоциаций» в том случае, если хочешь определить комплексы пациента. Описанный случай продемонстрировал, что можно достичь центра с любой точки окружности. Можно начать с букв кириллицы, с медитации перед хрустальным шаром, с молитвенного колеса, или современной живописной картины, или даже со случайного разговора по поводу пустякового события. В этом отношении сон столь же эффективен, как и любое другое отправное событие. И тем не менее сны имеют особое значение даже тогда, когда они возникают в результате эмоционального расстройства, в которое вовлечены присущие тому или иному лицу комплексы. («Привычные» комплексы — это наиболее чувствительные зоны психики, приоритетно реагирующие на внешние беспокоящие стимулы.) Вот почему свободные ассоциации могут привести от любого сна к потаенным кризисным мыслям.

В этот момент, однако, для меня стало очевидным, что сны несут в себе собственную, уникальную и чрезвычайно важную функцию. Очень часто сны имеют определенную, с очевидностью целеполагающую структуру, указывающую на подспудную идею или намерение, хотя, как правило, последние не всегда

с самого начала воспринимаются как таковые. Поэтому я стал размышлять, нужно ли уделять больше внимания актуальной форме и содержанию сна или же позволить «свободной ассоциации» вести по цепи мыслей к комплексам, которые могут быть легко обнаружены и другими способами.

Эта новая мысль и была поворотным моментом в развитии моей психологии. Постепенно я оставил ассоциативный путь, который уводил от содержания самого сна. Я предпочел сконцентрироваться на ассоциациях непосредственно самого сна, полагая, что последний выражает нечто специфическое, то, что пытается сказать нам бессознательное.

Изменение моего отношения к снам повлекло изменение и самого метода; новый метод принимал во внимание все широкое разнообразие области сновидений. История, рассказанная сознательным разумом, имеет свое начало, развитие и конец, но во сне все обстоит иначе. Координаты времени и пространства здесь совершенно другие, и, чтобы это понять, необходимо исследовать сон со всех сторон, точно так же, как можно взять в руки неизвестный предмет и поворачивать его до тех пор, пока не выявятся все особенности его формы.

Возможно, я уже достаточно полно показал, как постепенно пришел к разногласию с методом «свободных ассоциаций» Фрейда; я стремился держаться как можно ближе к самому сну и исключать все малозначительные идеи и ассоциации, которые он вызывал. И хотя они на самом деле могли привести к комплексам пациента, у меня имелась другая, более далеко идущая цель, чем выявление комплексов, вызывающих невротические расстройства. Существует много иных способов, посредством которых комплексы можно обнаружить, например, психолог может получить все нужные указания с помощью тестов словесных ассоциаций (спросив пациента, с чем он связывает данный набор слов, и изучив его ответы). Но чтобы узнать и понять психическую жизнь целостной отдельной личности, важно осознать, что сны человека и их символические образы играют более значительную роль.

Почти каждый, например, знает, что существует бесчисленное множество образов, которые могут символизировать половой акт (или, иначе говоря, представлять его в аллегорической форме). Любой из этих образов путем ассоциации может привести к идее полового акта и к специфическим комплексам, которые проявляются у индивида в отношении собственных сексуальных установок. Но точно так же можно выявить эти комплексы путем фантазирования над незнакомыми русскими буквами. Отсюда я пришел к предположению о том, что сон может нести в себе и иное послание, чем сексуальная аллегория, и что это происходит по определенным причинам. Попробую это проиллюстрировать.

Человеку может присниться, что он вставляет ключ в замок, машет тяжелой палкой или пробивает дверь тараноподобным предметом. Все эти действия можно рассматривать как сексуальную аллегория. Но фактически само бессознательное выбирает один из этих специфических образов: это может быть и ключ, и палка, и таран, — и это обстоятельство само по себе также значимо. Всякий раз задача заключается в том, чтобы понять, почему ключ был предпочтен палке или тарану. И иногда в результате оказывается, что содержание сна означает вовсе не сексуальный акт, а имеет другую психологическую интерпретацию.

Рассуждая таким образом, я пришел к выводу, что в интерпретации сна должен принимать участие лишь тот материал, который составляет ясную и видимую его часть. Сон имеет свои собственные границы, и его специфическая форма говорит нам, что относится ко сну, а что уводит от него. В то время как «свободные ассоциации» уводят от материала по некой зигзагообразной линии, метод, разработанный мной, больше похож на кружение, центром которого является картина сна. Я все время вращаюсь вокруг картины сна и отвергаю любую попытку видевого сна уйти от него. Снова и снова в своей профессиональной работе я вынужден повторять: «Вернемся к вашему сну. Что этот сон говорит?»

Например, моему пациенту приснилась пьяная, растрепанная, вульгарная женщина. Ему казалось, что эта женщина — его жена, хотя на самом деле его жена была совсем иной. Внешне сон представлялся абсолютной бессмыслицей, и пациент счел его полной ерундой. Если бы я как врач позволил ему начать процесс ассоциаций, он неизбежно попытался бы уйти как можно дальше от неприятного намека своего сна. В этом случае он закончил бы одним из своих ведущих комплексов — комплексом, который, возможно, не имел ничего общего с женой, и тогда мы ничего бы не узнали о значении этого сна.

Что же тогда пыталось передать его бессознательное с помощью своего с очевидностью ложного заявления? Ясно, что оно как-то выражало идею падшей женщины, тесно связанной с жизнью пациента, но так как проекция этого образа на его жену была неоправданной и фактически неверной, я должен был поискать в другом месте, дабы обнаружить, что же собой представлял этот отталкивающий образ.

Еще в Средние века, задолго до того, как физиологи выяснили, что в каждом человеке наличествуют и мужские, и женские гормоны, говорилось, что «каждый мужчина несет в себе женщину». Этот женский элемент в каждом мужчине я назвал «анима». Женский аспект представляет определенный подчиненный уровень связи с окружающим миром, и в частности с женщинами, уровень, который тщательно скрывается от других и от себя. Иными словами, хотя видимая личность человека может казаться совершенно нормальной, он может скрывать от других — и даже от самого себя — плачевное положение «женщины внутри».

Именно так и обстояло дело с моим конкретным пациентом: его женская сторона пребывала не в лучшей форме. Его сон фактически сообщал: «Ты в известном смысле ведешь себя как падшая женщина» — и тем самым вводил пациента в необходимое состояние шока. (Этот пример, конечно, не должен быть понят как доказательство того, что бессознательное озабочено «моральными» нарушениями. Сон не говорил пациенту: «Веди

себя лучше», а просто пытался уравновесить перекошенную природу его сознательного разума, который поддерживал фикцию, что пациент — совершенный джентльмен.)

Легко понять, почему сновидцы склонны игнорировать и даже отрицать послания своих снов. Сознание естественно сопротивляется всему бессознательному и неизвестному. Я уже указывал на существование среди первобытных племен того, что антропологи называют мизонеизм, — глубокого и суеверного страха нового.

Примитивные люди проявляют совершенно животные реакции на непредвиденные события. Но и «цивилизованный человек» реагирует на новые идеи зачастую так же: воздвигая психологические барьеры, дабы защитить себя от шока встречи с новым. Это легко наблюдать в любой индивидуальной реакции на собственный сон, когда оказывается необходимым допустить некую неожиданную мысль. Многие пионеры в философии, науке и даже в литературе были жертвами врожденного консерватизма своих современников. Психология — весьма молодая наука, и, поскольку она пытается иметь дело с бессознательным, она неизбежно встречает мизонеизм в его крайнем проявлении.

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ В БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ

Итак, я обрисовал некоторые из принципов, на которых зарождается мое отношение к проблеме снов, и поскольку мы хотим исследовать способность человека к продуцированию символов, сны оказываются самым главным и доступным материалом для этой цели. Два основных положения, которые необходимо учитывать при работе со снами, суть следующие: первое — сон следует рассматривать как факт, относительно которого нельзя делать никаких предварительных утверждений, кроме того, что сон имеет некоторый смысл; и второе — сон есть специфическое выражение бессознательного.

Вряд ли можно сформулировать данные положения более сжато. Неважно, сколь незначительным, по чьему-либо мнению, может быть бессознательное, в любом случае следует признать, что оно достойно исследования, сродни вши, которая, при всем к ней отвращении, все же вызывает живой интерес энтомолога. Если кто-нибудь с малым опытом и знанием снов полагает, что сон — это хаотическое, бессмысленное событие, то он, конечно, волен полагать и так. Но если допустить, что сны являются нормальными событиями (каковыми они и являются на самом деле), то необходимо признать, что сны имеют рациональное основание для своего возникновения, или же они целенаправлены, или же и то и другое одновременно.

Посмотрим теперь более внимательно на те пути, которыми связаны в мозгу сознательное и бессознательное. Возьмем общеизвестный пример. Внезапно вы обнаруживаете, что не можете вспомнить нечто, что только что хотели сказать, хотя перед тем ваша мысль была совершенно ясна и определена. Или,

скажем, вы хотите представить своего друга, а его имя выпало в момент, когда вы собирались его произнести. Вы объясняете это тем, что не можете вспомнить, фактически же мысль стала бессознательной или даже отделилась от сознания. Мы обнаруживаем подобные явления и в связи с нашими органами чувств. Если достаточно долго слушать непрерывную ноту на границе слышимости, звук будет то периодически прекращаться, то снова возобновляться. Эти колебания обусловлены периодическим уменьшением и повышением нашего внимания, а отнюдь не изменением самого звука.

Но когда нечто ускользает из сознания, то перестает существовать не в большей степени, чем автомобиль, свернувший за угол. Последний просто выпал из поля зрения, и так же, как мы можем увидеть его позже вновь, так вспоминается и временно забытая мысль.

Таким образом, часть бессознательного состоит из множества временно затемненных мыслей, впечатлений, образов, которые, невзирая на утрату, продолжают влиять на наше сознание. Отвлеченный чем-либо, с «отсутствующим сознанием», человек может отправиться за чем-либо в соседнюю комнату. Внезапно он останавливается озадаченный — он забыл, что ему нужно. Его руки шарят по столу как во сне: человек забыл свое первоначальное намерение, хотя бессознательно руководим, управляем им. И вот он вспоминает, чего, собственно, хотел. Бессознательное вновь вернуло ему утраченную цель поиска. Если вы наблюдаете поведение невротика, то можете видеть его совершающим некоторые поступки, по видимости сознательно и целенаправленно. Однако если вы спросите его о них, то обнаружите, что он или не осознает их, или имеет в виду нечто совсем другое. Он слушает и не слышит, он смотрит и не видит, он знает, однако не осознаёт. Подобные примеры столь часты, что специалист понимает, что бессознательное содержание разума ведет себя так, как если бы оно было сознательным. В таких случаях никогда нельзя быть уверенным в том, сознательны ли мысли, слова и действия или нет.

Именно подобный тип поведения заставляет многих врачей игнорировать заявления их истерических пациентов как полную ложь. Эти люди, действительно, рассказывают «больше» неправд, чем многие из нас, но все же «ложь» вряд ли здесь окажется правильным словом. Фактически их умственное состояние вызывает неопределенность поведения, поскольку их сознание подвержено непредсказуемым затемнениям при вмешательстве бессознательного. Подобным же колебаниям подвержена и их кожная чувствительность. В какой-то момент истерическая личность может почувствовать укол иглой, а последующий, может стать, окажется незамеченным. Если внимание невротика сфокусировано на определенной точке, его тело может быть полностью анестезировано до тех пор, пока напряжение, вызывающее отключение болевых «приемников», не спадет. После этого чувствительность восстанавливается. Все это время, однако, он бессознательно следит за тем, что происходит вокруг.

Врач ясно представляет данное обстоятельство, когда гипнотизирует такого пациента. Кстати, нетрудно показать, что последний пребывает в курсе всех деталей. Укол в руку или замечание, сделанные во время отвлечения сознания, могут быть вспомнены им во время гипноза столь же точно и отчетливо, как и в случае отсутствия анестезии или «забывчивости». В связи с этим вспоминаю женщину, которая однажды была привезена в клинику в состоянии полного ступора. Когда на следующий день она пришла в себя, то сознавала, кто она, но не представляла, ни где находится, ни почему она здесь, ни даже какое сегодня число. Однако, когда я загипнотизировал ее, она рассказала мне, почему она заболела, как попала в клинику, кто ее принимал. Все эти детали легко проверялись. Она даже назвала время своего привоза, потому что видела часы в приемном покое. Под гипнозом ее память была столь же ясна, как если бы она была все время в сознании.

Когда мы обсуждаем подобные темы, то часто должны привлекать свидетельства из клинической практики. По этой причине многие критики полагают, что бессознательное и его

тонкие проявления принадлежат всецело к сфере психопатологии. Они считают любое проявление бессознательного чем-то невротическим или психотическим, не имеющим отношения к нормальному состоянию. Но невротические явления ни в коем случае не являются продуктами исключительно болезни. Фактически они не более чем патологические преувеличенности нормальных событий; и лишь потому, что они оказываются преувеличенными, они более бросаются в глаза, чем соответствующие нормальные события. Истерические симптомы можно наблюдать у всех нормальных людей, но они столь легки, что обычно проходят незамеченными.

К примеру, забывчивость есть совершенно нормальный процесс, обусловленный тем, что некоторые сознательные мысли теряют свою специфическую энергию из-за отвлечения внимания. Когда наш интерес перемещается, он оставляет в тени те вещи, которыми мы до этого были заняты; точно так же луч прожектора освещает новую область, оставляя предыдущую в темноте. Это и неизбежно, так как сознание может одновременно держать в полной ясности лишь несколько образов, и даже такая ясность неустойчива.

Но забытые мысли не перестают существовать. Хотя они не могут быть воспроизведены по заказу, они присутствуют в сублимированном состоянии — как раз за порогом воспоминания, откуда могут спонтанно появиться в любое время, часто через много лет полного забвения.

Я говорю о том, что мы когда-либо сознательно видели или слышали, а затем забыли. Мы все видим, слышим, обоняем множество вещей, даже не замечая их, и все это потому, что наше внимание или отвлечено, или воздействие этих вещей на наши чувства слишком мало, чтобы оставить сознательное впечатление. Бессознательное, однако, замечает их и, собственно, такие неосознаваемые восприятия могут играть большую роль в нашей повседневной жизни. Мы же не всегда в состоянии оценить, насколько сильно они влияют на наши реакции на людей или события.

В качестве наиболее, с моей точки зрения, впечатляющего примера, приведу случай, произошедший с профессором, который прогуливался за городом со своим учеником и был погружен в серьезный разговор. Внезапно он заметил, что его мысли прервались неожиданным потоком воспоминаний раннего детства. Он не мог понять причины этого отвлечения. Ничто из того, о чем говорилось, казалось, не имело ни малейшего отношения к этим воспоминаниям. Оглянувшись, наш профессор догадался, что первые воспоминания детства пришли ему в голову в тот момент, когда они проходили мимо фермы. Он предложил своему ученику вернуться к тому месту, где образы детства впервые всплыли в его сознании. Очутившись там, он ощутил запах гусей и тотчас же понял, что именно этот запах вызвал поток воспоминаний. В молодые годы он жил на ферме, где держали гусей, и их характерный запах оставил прочное, хотя и позабытое впечатление. Когда он проходил мимо фермы, то почувствовал этот запах подсознательно, и это ощущение вызвало к жизни давно забытые переживания детства. Восприятие оказалось неосознанным, поскольку внимание было направлено на другое, а стимул не слишком велик, чтобы отвлечь его и достичь сознания напрямую. Но он вызвал «забытые» воспоминания.

Такое действие «намек», или «спускового крючка», может объяснить развитие не только положительных воспоминаний, но и вполне невротических симптомов в случаях, когда вид, запах или звук вызывают воспоминания прошлого. Девушка может работать у себя в конторе, пребывая в отличном настроении и прекрасно себя чувствуя. Вдруг у нее начинается страшная головная боль и появляются другие признаки недомогания. Оказывается, ее слух уловил гудок далекого корабля, и это бессознательно напомнило девушке горькое расставание с любимым, которого она всеми силами пыталась забыть.

Кроме обычного забывания Фрейд описал несколько случаев, когда происходит «забывание» неприятных моментов, которые человек охотно старается забыть. Как заметил Ницше, когда гордость достаточно настойчива, память предпочитает

уступить. Поэтому среди забытых воспоминаний мы встречаем немало таких, которые обязаны своему пребыванию в подпороговом состоянии (следовательно, и невозможностью воспроизведения по желанию) собственной несоответствующей и несовместимой природе. Психологи называют их подавленным содержанием.

Примером может послужить секретарша, которая ревнует одного из сотрудников своего босса. Обычно она забывает приглашать этого человека на совещания, хотя его имя ясно значится в списке. Если ее спросить об этом, она скажет, что «забыла» или что ее в это время «отвлекли». И никогда не признается даже себе в истинной причине своего забывания.

Многие люди ошибочно переоценивают роль воли и полагают, что ничто не может произойти в их собственном разуме без их решения и намерения. Но следует хорошо различать намеренное и ненамеренное содержание сознания. Первое проистекает из личностного эго; второе — из источника, который с эго не идентичен, а представляет его «другую сторону». Именно эта «другая сторона» и заставляла секретаршу забывать о приглашениях.

Существует множество причин, по которым мы забываем вещи, которые отметили или пережили, и точно так же существует множество путей, по которым они могут прийти на ум. Интересный пример представляет криптомнезия, или «скрытое воспоминание». Автор может писать произведение по заранее составленному плану, развивая свою мысль или линию повествования, как вдруг он внезапно сбивается в сторону. Возможно, ему на ум пришла свежая идея, или иной образ, или другой сюжет. Если вы спросите его, что же вызвало такое изменение, он будет не в силах вам ответить. Он даже может и не заметить отклонения, хотя и начал создавать нечто совершенно новое и, очевидно, ранее ему не знакомое. Иногда то, что он пишет, поразительно похоже на работу другого автора — и это можно убедительно продемонстрировать, — работу, которую, как полагает первый автор, он никогда не читал.

Я обнаружил показательный пример подобного рода в книге Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», в которой автор почти дословно воспроизводит инцидент из судебного журнала 1686 года. По чистой случайности я вычитал этот морской случай в книге, опубликованной в 1835 году (за полвека до того, как писал Ницше), и когда я обнаружил подобный пассаж в «Так говорил Заратустра», то был поражен его особым стилем, так отличным от привычного языка Ницше. Я был убежден, что Ницше тоже видел эту старую книгу, хотя и не делал на нее ссылок. Я написал его сестре, которая была еще жива, и та подтвердила, что она и ее брат действительно читали вместе эту книгу, когда ему было одиннадцать лет. Исходя из контекста, я полагаю совершенно невероятным, чтобы Ницше сознавал, что совершает плагиат. Я считаю, что через пятьдесят лет эта история проскользнула в фокус его сознания неожиданно.

В этом случае имеет место подлинное, хотя и неосознанное, воспоминание. Подобного рода вещи могут произойти с музыкантом: слышанную им в детстве крестьянскую мелодию или популярную песню он внезапно обнаруживает как тему в симфонии, сочиненной им самим уже будучи взрослым. Идея или образ вернулись из бессознательного в сознающий разум.

Все, что я рассказал о бессознательном, лишь поверхностный очерк о природе и действии этой сложной составляющей человеческой психики. Необходимо еще указать виды подпорогового материала, из которого спонтанно могут производиться символы наших снов. Подпороговый материал состоит из всего набора нужд, импульсов, намерений; всех восприятий и догадок, всех рациональных и иррациональных мыслей, выводов, индукций, дедукций, посылок; из всего разнообразия чувств. Любое из них, или все они вместе, могут принимать форму частичного, временного или постоянного бессознательного. Данный материал большей частью становится бессознательным потому, что, как говорится, для него не оказывается места в сознании. Некоторые мысли теряют свою эмоциональную энергию и становятся подпороговыми (т. е. они больше не привлекают созна-

тельного внимания) потому, что стали казаться неинтересными и несущественными, или потому, что существуют причины, по которым мы желаем удалить их из поля зрения.

Фактически же для нас «забывать» подобным образом нормально и необходимо для того, чтобы освободить место в сознании для новых впечатлений и идей. Если этого не будет происходить, то все, что мы переживаем, будет оставаться выше порога сознания и наш разум окажется до невозможности переполненным. Это явление так широко известно сегодня, что большинство людей, которые хоть что-то знают о психологии, принимают его как само собой разумеющееся.

Но точно так же, как сознательное содержание может исчезать в бессознательном, новое содержание, которое до того прежде никогда не осознавалось, может возникать из него. Оно вспыхивает как некий намек, слабое подозрение: «что-то висит в воздухе» или «пахнет крысой». Открытие, что бессознательное — это не простой склад прошлого, но что оно полно зародышей будущих психических ситуаций и идей, привело меня к новым подходам в психологии. Большое количество дискуссий развернулось вокруг этого положения. Но остается фактом то, что помимо воспоминаний из давнего осознанного прошлого, из бессознательного также могут возникать совершенно новые мысли и творческие идеи; мысли и идеи, которые до этого никогда не осознавались. Они возникают из темноты, из глубин разума, как лотос, и формируют наиболее важную часть подпороговой психики.

Подобные вещи мы обнаруживаем в каждодневной жизни, когда задачи порой решаются совершенно новыми способами; многие художники, философы и даже ученые обязаны своими лучшими идеями вдохновению, в то время как эти идеи появились из бессознательного. Способность достичь богатого источника такого материала и эффективно перевести его в философию, литературу, музыку или научное открытие — одно из отличительных свойств тех, кого называют гениями.

Ясные доказательства такого факта мы можем найти в истории самой науки. Например, французские математик Пуанкаре и химик Кекуле своими научными открытиями (что признают они сами) обязаны внезапным «откровениям» из бессознательного. Так называемый «мистический» опыт французского философа Декарта включил в себя подобное внезапное откровение, во вспышке которого он увидел «порядок всех наук». Английский писатель Роберт Льюис Стивенсон потратил годы в поисках истории, которая иллюстрировала бы «сильное чувство двойственности человеческого бытия», когда вдруг во сне ему открылся сюжет «Доктора Джекила и мистера Хайда».

Позже я детально опишу, каким образом подобный материал возникает из бессознательного, и исследую формы, в которых это бессознательное выражается. Сейчас же я просто хочу отметить, что способность человеческой психики продуцировать новый материал особенно значительна, когда имеешь дело с символами сна; в своей профессиональной практике я постоянно обнаруживал, что образы и идеи, содержащиеся в снах, не могут быть объяснены лишь в терминах памяти. Они выражают новые мысли, которые еще никогда не достигали порога сознания.

ФУНКЦИИ СНА

Обсуждение некоторых подробностей происхождения наших снов диктовалось тем, что это та почва, из которой произрастает большинство символов. К сожалению, они трудны для понимания. Как я уже указывал, сон совершенно не похож на историю из жизни сознательного разума. В обыденной ситуации мы думаем над тем, что хотим сказать, выбираем наиболее выразительный способ передачи мысли и пытаемся сделать наш рассказ логически связанным. Например, грамотный человек будет избегать слишком сложных метафор, дабы не создавать путаницы в понимании. Но сны имеют иное строение. Образы, кажущиеся противоречивыми, смешно толпящимися в спящем мозгу, утраченное чувство нормального времени, даже самые обычные вещи во сне могут принять загадочный и угрожающий вид.

Может показаться странным, что бессознательное располагает свой материал столь отлично от принятых норм, которые мы, бодрствуя, накладываем на наши мысли. Каждый, кто помедлит минутку, чтобы вспомнить сон, признает эту разницу главной причиной, по которой сны считаются такими трудными для понимания. Они не имеют смысла в терминах состояния бодрствования, и потому мы склонны или не принимать их во внимание, или считать «баламутящими воду».

Вероятно, в этом будет легче разобраться, если вначале мы осознаем, что идеи, с которыми мы имеем дело в нашей, по всей видимости, дисциплинированной жизни, совсем не так ясны, как нам хотелось бы в это верить. Напротив, их смысл (и эмоциональное значение для нас) становится тем менее точным, чем ближе мы их рассматриваем. Причина же кроется в том, что все, что мы слышали или пережили, может становиться под-поро-

говым, т. е. погружаться в бессознательное. И даже то, что мы удерживаем в сознании и можем воспроизвести по собственному желанию, приобретает бессознательные оттенки, окрашивающие ту или иную мысль всякий раз, как мы ее воспроизводим. Наше сознательное впечатление быстро усваивает элемент бессознательного смысла, который фактически значим для нас, хотя сознательно мы не признаём существования этого подпорогового смысла или того, что сознательное и бессознательное смешиваются и результируют являющийся нам смысл.

Конечно, такие психические оттенки различны у разных людей. Каждый из нас воспринимает абстрактные и общие положения индивидуально, в контексте собственного разума. Когда в разговоре я использую такие понятия, как «государство», «деньги», «здоровье» или «общество», я допускаю, что мои слушатели понимают под ними примерно то же, что и я. И это «примерно» здесь важно. Ведь любое слово даже среди людей одной культуры воспринимается по-разному, оно слегка отлично для них по смыслу. Причиной такого колебания (непостоянства) смысла является то, что общее понятие воспринимается в индивидуальном контексте и поэтому понимается и используется индивидуально. И разница в смыслах, естественно, оказывается наиболее значительной для людей с разным социальным, политическим, религиозным или психологическим опытом.

Пока понятия формулируются только словами, вариации почти незаметны и не играют практической роли. Но когда требуется точное определение или подробное объяснение, можно внезапно обнаружить поразительную разницу не только в чисто интеллектуальном понимании термина, но особенно в его эмоциональном тоне и приложении. Как правило, эти различия подпороговы и потому никогда не осознаются.

Обычно этими различиями пренебрегают, считая их избыточными нюансами смысла, имеющими мало отношения к практическим повседневным нуждам. Но тот факт, что они существуют, показывает, что даже самое практическое содержание сознания содержит вокруг себя полумглу неопределенно-

сти. Даже самые тщательно сформулированные философские или математические понятия, которые, по нашему мнению, не содержат в себе ничего, кроме того, что мы в них вложили, тем не менее представляют собой нечто большее, нежели мы полагаем. Такова одна из еще неизученных до конца особенностей психики. Простые числа, которыми мы пользуемся при счете, значат больше, чем мы думаем. Одновременно они являют собой мифологический элемент (для пифагорейцев числа представлялись священными), но, разумеется, мы этого не учитываем, когда пользуемся ими в бытовых нуждах.

Каждое понятие в нашем сознающем разуме имеет свои психические связи, ассоциации. Так как эти связи могут различаться по интенсивности (в соответствии с важностью того или иного понятия для нашей целостной личности или по отношению к другим понятиям, идеям и даже комплексам, с которыми они ассоциируются в нашем бессознательном), то они способны менять «нормальный» характер понятия. Последнее может приобрести совершенно отличный смысл, если сместится ниже уровня сознания.

Эти подпороговые составляющие всего с нами происходящего могут играть незначительную роль в нашей повседневной жизни. Но при анализе снов, когда психолог имеет дело с проявлениями бессознательного, они очень существенны, так как являются корнями, хотя и почти незаметными, наших сознательных мыслей. Именно поэтому обычные предметы и идеи во сне могут приобрести столь мощное психическое значение, из-за чего мы просыпаемся в страшной тревоге, хотя, казалось бы, не увидели во сне ничего дурного — лишь запертую комнату или пропущенный поезд.

Образы, являющиеся в снах, намного более жизненны и живописны, чем соответствующие им понятия и переживания в яви. Одна из причин этого заключается в том, что во сне понятия могут выразить свое бессознательное значение. В своих сознательных мыслях мы ограничиваем себя пределами рациональных утверждений — утверждений, которые значительно